

6. Zalevskaya A. A. Rechevaya oshibka kak instrument nauchnogo issledovaniya // Voprosy psikholingvistiki, 2009, № 9, pp. 6–22.
7. Zalevskaya A. A. Psikholingvisticheskiye problemy semiozisa // Voprosy psikholingvistiki, 2016, № 3 (29), pp. 93–103.
8. Medvedeva I. L. Psikholingvisticheskiye problemy funktsionirovaniya nerodnogo yazyka. Ufa, 1996. 46 p.
9. Mikhaylova T. V. Osobennosti vospolneniya ellipticheskikh konstruktsiy. Tver, 1997. 18 p.
10. Novikov A. I. Dominantnost' i transpozitsiya v protsesse osmysleniya teksta // Problemy prikladnoy lingvistiki. M.: Institut yazykoznanija RAN, 2002, pp. 155–180.
11. Rafikova N. V. Psikholingvisticheskoye issledovaniye protsessov ponimaniya teksta. Tver': Tver State University, 1999. 144 p.
12. Solov'yova M. V. Strategii ponimaniya inoyazychnogo teksta. Tver: Tver State University, 2006. 156 p.
13. Sorokin Yu. A. Vvedeniye v etnopsikholingvistiku. Ulyanovsk: UIGU, 1998. 138 p.
14. Gascoigne C. Documenting the initial second language reading experience: The readers speak // Foreign Language Annals, 2002, Vol. 35, № 5, pp. 554–560.
15. Kintsch W. The role of knowledge in discourse comprehension: A construction-integration model // Psychological Review, 1988, vol. 95, pp. 163–182.
16. Salatasi R., Akyel A. Possible effects of strategy instruction on L1 and L2 reading // Reading in a Foreign Language, 2002, vol. 14, № 1, pp. 1–17.

DOI: 10.21672/1818-4936-2020-74-2-093-098

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ: КОГНИТИВНЫЕ ИСТОКИ И ДИСКУРСИВНО-МОДУСНАЯ СУЩНОСТЬ

Николай Фёдорович Алефиренко, доктор филологических наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85, e-mail: alefirenko@bsu.edu.ru.

Аглеева Зухра Равильевна, доктор филологических наук, профессор, Астраханский государственный университет, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: z.agleeva@yandex.ru.

В статье рассматриваются когнитивно-дискурсивные механизмы, лежащие в основе фразеологизации, наиболее типичные когнитивные структуры фразеологической семантики.

Ключевые слова: ментальная модель, когнитивный субстрат фраземы, дискурсивно-модусный

PHRASEOLOGICAL MEANING: COGNITIVE SOURCES AND DISCURSIVE-MODUS ESSENCE

Alefirenko Nikolay F., Doctor of Philological Sciences, Professor, Belgorod State National Research University, 308015, Russia, Belgorod, 85 Pobeda st., e-mail: alefirenko@bsu.edu.ru.

Agleeva Zukhra R., Doctor of Philological Sciences, Professor, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: z.agleeva@yandex.ru.

The article discusses the cognitive-discursive mechanisms underlying the phraseological unit, the most typical cognitive structures of phraseological semantics.

Keywords: mental model, cognitive substrate of the phrase, discursive modus

Информация, порождаемая чувственным переживанием, обычно нуждается не столько в объективном и беспристрастном номинировании, сколько в экспрессивно-образном знакообозначении, которое передавало бы ценностно-смысловое (культурологическое) отношение к ней субъекта познания. С этой целью языковое сознание, подключив ассоциативное мышление, прибегает к поиску знаковых опосредователей косвенно-производного характера. Наиболее яркими среди них являются фраземы, значение которых формируется когнитивно-дискурсивными механизмами.

Репрезентация знаний о первичной денотативной ситуации, нуждающейся в коммуникативно-прагматической аранжировке, первоначально представляется предзнаком, затем через пропозициональную матрицу и ментальную модель – пропозицией, проецирующей фреймовую структуру фразеологического значения (ФЗ). Фрейм – наиболее типичная для фразеологической семантики когнитивная структура потому, что знания в ней формируются вокруг некоторого концепта, с которым и ассоциируется основная, типичная и потенциально важная информация (ср.: [5, с. 16]). Структура ФЗ в таком случае приобретает полевою организацию: его ядро по своему генетическому источнику соотносится с концептом, а периферия – с субконцептами единого фраземообразующего фрейма. Соотносимое с концептом ядро ФЗ представляет собой его *интенционал*, а периферия, соотносимая с объединёнными во фрейм субконцептами, – *импликационал*. Так, ядром значения неофраземы *железный занавес* – ‘маска неприступности’ служит концепт «Непроницаемость», обобщённо представляющий вторичную денотативную структуру «сохранять (делать) индифферентное выражение лица, скрывающее мысли и настроение человека».

С первичным денотатом генетическими узлами связан импликационал (периферия ФЗ) ‘намеренно своим повелением или выражением лица что-л. скрывать’. Его денотативными коррелятами являются две устойчивые ситуации: а) «выстраивать прочную, непроницаемую преграду» и б) «внешняя политика закрытого общества». Именно эти денотативные ситуации служат афферентно-ассоциативными источниками фразеологической коннотации первой степени: «маска, скрывающая лицо», ассоциирующаяся с известным образом «железной маски» и т.п. Позже уже на основе ингерентных ассоциаций формируются фразеологические коннотации второй степени: а) «непроницаемое для других выражение лица»; б) «надёжная маскировка». Благодаря тому, что выделенные коннотации находятся между собой в определённых смысловых связях (генетических, парадигматических, эпидигматических), они образуют сложную импликациональную структуру фреймового типа. Конструктивными узлами когнитивно-дискурсивного механизма служат архетип, концепт и символ.

Под *архетипами* понимают «мифологические компоненты», которые описывают то, как душа *переживает* психический факт» (К.Г. Юнг). Это своеобразные «структурные схемы, структурные предвестники образов, существующие в сфере коллективного бессознательного» (Е.М. Мелетинский), которые выступают тем средством поэтического восприятия мира, которое нуждается в косвенно-производной (фразеологической) вербализации. Фраземообразующим свойством символа является его семиотическая ипостась, которая раскрывается в определении *символа* как знака, *способного дискурсивно широко представлять архаический слой сознания*. Такое дискурсивно-семиотическое свойство превращает символ в особое кодирующее средство: он «и в плане выражения, и в плане содержания всегда представляет собой текст» (Ю.М. Лотман). Эта мысль Ю.М. Лотмана станет более понятной, если прислушаемся к С.С. Аверинцеву, утверждающему, что содержательная структура (символа) ... многослойна.

Восприятие фразеомобразующей денотативной ситуации всегда осуществляется сквозь призму некой идеальной модели, уже существующей в нашем сознании: она обретает смысл лишь в рамках определённой концептосферы и сохраняет его в пределах определенного когнитивно-дискурсивного поля. Существенным фактором адекватной коммуникации является *уровень восприятия* фраземы и того высказывания, в составе которого она употребляется. Проще обстоит дело с пониманием фразем, в основе которых лежат первичные денотативные ситуации, содержащие «предметные» модели обозначаемой действительности, например: *выжатый лимон, мухи не обидит, как гром среди ясного неба, пальца (палец) в рот не клади, наломать дров, шапками закидаем, как снег на голову, желторотый птенец, мало каши ел, ловить рыбу в мутной воде, как с гуся вода, мыльный пузырь, под носом, первая ласточка* и др. Это вполне осязаемые, обозримые, ощутимые, конкретно представляемые ситуации, отражаемые в виде конкретных образов. Коннотативные смыслы таких фразем находятся на «заднем плане» нашего языкового сознания. Как правило, так воспринимаются фразеологические единства, единицы с ярко выраженным прототипом, по природе своей обладающие двуплановой смысловой структурой. Близки к этой группе фраземы-сравнения, которые Н.Б. Мечковская характеризует как «максимально мотивированные и потому банальные, ... не требующие особого толкования». В подтверждении своей точки зрения исследователь замечает, что подобного рода фраземы-сравнения обычно не включаются в фразеологические словари, «поскольку семантика каждого из них полностью выводима из семантики компонентов» [7, с. 30].

Однако большинство фразем обладают суггестивной коннотацией, что усложняет их когнитивный анализ. Породившая их когнитивная структура в таком случае понимается весьма неоднозначно и способна даже менять своё смысловое содержание в очень короткий с исторической точки зрения промежуток времени. Примером может служить фразема *чёрный вторник*, образованная на основе общеизвестного *чёрный день* – ‘трудное, тяжёлое, порой трагическое время (иногда собственно день) в жизни кого-либо; трудности безденежья, несчастья’. Когнитивным субстратом фраземы служит концепт «Трудное время». Однако после пережитого в России дефолта 1998 года он приобрёл более конкретное смысловое содержание «День дефолта – 25 августа 1998 года» и даже был уточнён: *чёрный вторник*.

В результате такой смысловой привязки концепта к конкретному событию нередко «возникает когнитивный диссонанс между сознательным и бессознательным восприятием архетипического символа». Пожалуй, самым доступным для восприятия фраземы является вызываемый ею в нашем языковом сознании *образ*.

Целостность восприятия фразеологического образа носит преимущественно субъективный характер, да и системность его восприятия соседствует с асистемными факторами. Действительно, системность обязательно предполагает *предварительную* систематизацию (аналитико-синтетическую деятельность), а целостность относится только к восприятию как таковому и никак не свидетельствует об осознании (ведь животные также воспринимают объекты вполне целостно, но не осознают их). В силу этой специфики фразеологический образ в концептуальном анализе может служить лишь первичным материалом.

Полный анализ фразеологической семантики опирается главным образом на концепты и фреймы, поскольку за каждой фраземой распознаётся то, что не подлежит точному определению и на что указывал в своей «Голубой и коричневой книге» Л. Витгенштейн (1994): 1) то, что чётко и однозначно описать языком *нельзя*; 2) «языковые игры», позволяющие от нескольких *разных* нечетких описаний перейти к сущности знакообозначения; 3) то, что невозможно

подвести под понятие; 4) в действительности «понятию» соответствует *не одно*, а *группа* схожих явлений. В связи с этим когнитивным субстратом фраземы служит «семейное понятие», объединяющее некое множество сходных сущностей и проецирующее неоднозначное именование денотативной ситуации; фраземы соотносятся не с образами реальных «сущностей», а с особыми *способами их вербализации*. Такие когнитивные основания фразем, собственно, и подводятся под категорию концепта. Если подходить к пониманию фразеологического концепта в такой плоскости, то концепт – это ядро смыслового содержания фраземы. В раскрытии фразеобразующего потенциала концепта целесообразно исходить из его культурологической ценности – концепты истолковываются как «сосредоточение культуры в ментальном мире человека» (Ю.С. Степанов). Иными словами, фразеологические концепты служат опосредователями во взаимоотношении человека и культуры. Однако и здесь не всё так прозрачно и бесспорно.

В эпицентре смыслового содержания фраземопорождающего концепта оказывается образ этнокультурной природы, а понятийно-денотативный смысл образует его фон. Такой особый, культурно-прагматический, тип концепта мы и называем дискурсивно-модусным. К этому разряду концептов можно отнести, например, издавна бытующие в фольклорном дискурсе разных народов концепты, близкие к бестиарию. Это домовой – домашний дух, покровитель очага, маленький старичок, весь покрытый волосами, или с бородой, помогавший хозяевам выполнять мелкую работу по дому, следивший за скотом, предупреждавший об опасности, если только к нему хорошо относились (не зря во многих сёлах его называли просто *дедушка*). Это *жар-птица* с яркими, ослепительными огненными перьями, олицетворявшая огонь, свет, солнце, и близкая ей *птица Феникс*, известная не только на Руси, но и в Европе. Это *водяные*, *лешии*, *Баба Яга* и прочая нечисть, которой в разных лингвокультурах соответствуют свои образы, ставшие концептами, в сжатом виде передающие языческую философию бытия. Интересно, что иногда подобного рода персонажи-концепты являются художественными, вышедшими из-под пера талантливых писателей (вспомним героев Н.В. Гоголя или *Шурале* татарского писателя Габдулы Тукая). Близость такого рода персонажей-концептов в разных лингвокультурных сообществах способствовала появлению термина *бестиарный код культуры*. Как видим, образный компонент в дискурсивно-модусном концепте достаточно информативен. За ним стоит целостное представление о жизни и смерти, добре и зле. Каковы механизмы такой информативности? Кроме чувственного образа в порождении дискурсивно-модусного концепта принимает участие внутренняя речь. Она беззвучная, мысленная; возникает в тот момент, когда мы думаем о чём-либо, припоминаем прочитанные книги и разговоры, молча читаем и пишем. Наиболее авторитетный исследователь феномена внутренней речи Н.И. Жинкин писал: «Во внутренней речи *текст сжимается в концепт* ..., содержащий *смысловой сгусток* всего текстового отрезка. Концепт хранится в долговременной памяти и *может быть восстановлен в словах, не совпадающих буквально с воспринятыми*, но таких, в которых интегрирован тот же смысл, который содержался в лексическом интеграле полученного высказывания» [6, с. 84]. Главнейшая особенность внутренней речи – её совершенно особый синтаксис: *отрывочность, фрагментарность, сокращённость*. Неудивительно, что порождаемый внутренней речью и чувственным образом дискурсивно-модусный концепт наиболее часто вербализуется фраземой, нередко с такой же рваной, фрагментарной и эллиптической структурой типа *семь пятниц на неделе* – ‘о человеке, который легко меняет свои решения, намерения и т. д.’; *ни в зуб ногой* – разг.-прост., ирон. ‘совершенно ничего не знать, не понимать, не смыслить в чём-нибудь, абсолютно не разбираться в чём-н.’; *ни пуха ни пера* – разг. ‘пожелание удачи, успеха кому-либо

в чём-либо'. Такие фраземы могут иметь просторечные или диалектные синонимы: *ни бельмеса не знать* (тюркское заимствование, изначально не требующее глагола-сопроводителя, так как в самой лексеме *бельмеса* уже содержится сема 'не знает'), *ни хвоста ни махалки* (распространено как пожелание удачи рыбакам, частотно в районах, где распространено рыболовство).

Интеграция чувственного образа и понятийного содержания проецирует главный отличительный признак дискурсивно-модусного концепта – его *прагматический импликационал* (термин М.В. Никитина [8, с. 59–60]). В нём сосредоточено всё его модусное содержание, создаваемое широким спектром явлений, выражающих отношение участников коммуникации к денотативной ситуации общения, точнее, к тому, что сообщается о ней. К модусной прагматике дискурсивно-модусных концептов мы относим ассоциации, коннотации, всевозможные *эмоциональные, экспрессивные, оценочные* элементы смыслового содержания, «модальную рамку высказывания» (в терминологии А. Вежбицкой), «пресуппозиции» (в терминологии Ч. Филлмора) и т.д. [3, с. 67]. Наряду с этими компонентами, прагматический импликационал рассматриваемого концепта создаётся и другими элементами дискурса: *информацией об участниках и условиях коммуникации, выражением модальности сообщения, модусным отношением* говорящего к предмету мысли и возникающими при этом *ассоциациями*. Ассоциативные смыслы дискурсивно-модусного концепта прагматичны по своей природе, так как «отражают связанные со словом культурные представления и традиции, господствующую в данном обществе практику использования соответствующей вещи и многие другие внеязыковые факторы» [3, с. 67].

Дискурсивные и модусные составляющие создают так называемое интерпретационное поле фразеолообразующего концепта, своеобразие которого обуславливается его вторичной сущностью. Для её осмысления необходимо различать (а) концепты довербального происхождения и (б) концепты дискурсивно-производного типа. Концепты первого типа, собственно, и стали изначальным объектом внимания основоположников теории концептов (С.А. Аскольдов, Д.С. Лихачёв и др.). Их довербальная природа была представлена главным образом метафорически как «туманное облако», «зародыш» мысли и т.п. Попытки осмысления механизмов их «оязыковления» привели к утверждению, что все концепты исключительно вербальны. Мы же предлагаем различать авербальные и протOVERBальные концепты. Последние с учётом смыслообразующей роли дискурса как особого рода коммуникативного события рассматриваются нами как концепты сложной интегративной природы, сочетающие в своём смысловом содержании информацию вербального и невербального (модусно-прагматического) характера.

Список литературы

1. Аглеева З. Р. Фразеологизированные конструкции в разноструктурных языках / З. Р. Аглеева. – Астрахань : Изд. дом «Астраханский университет» – М. : Кнорус, 2016.
2. Алефиренко Н. Ф. Введение в когнитивную фразеологию / Н. Ф. Алефиренко. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011.
3. Апресян Ю. Д. Избранные труды, том I. Лексическая семантика: 2-е и зд., испр. и доп. / Ю.Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995.
4. Витгенштейн Л. Голубая и коричневая книги. Предварительные материалы к «Философским исследованиям» / Л. Витгенштейн. – Новосибирск : Сибирское университетское издательство, 2008. – 256 с.
5. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация : сборник работ / Т. А. ван Дейк; сост. В. В. Петрова ; пер. с англ. яз. под ред. В. И. Герасимова ; вступ. ст. Ю. Н. Караулова, В. В. Петрова. – Москва : Прогресс, 1989.

6. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации / Н. И. Жинкин. – М. : Наука, 1982.
7. Мечковская Н. Б. Язык и религия: лекции по филологии и истории религий : учеб. пос. / Н. Б. Мечковская. – М. : Гранд: Агентство «ФАИР», 1998.
8. Никитин М. В. Развернутые тезисы о концептах / М. В. Никитин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1 (001).

References

1. Agleeva Z. R. Frazeologizirovanny`e konstrukczii v raznostrukturny`kh yazy`kakh. – Astrakhan` : Publishing House «Astrakhan University» : Moscow : Knorus, 2016.
2. Alefirenko N. F. Vvedenie v kognitivnyuyu frazeologiyu. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011.
3. Apresyan Yu. D. Izbranny`e trudy`, tom I. Leksicheskaya semantika: 2nd ed. M.: Shkola «Yazy`ki russkoj kul`tury`, Izdatel`skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 1995.
4. Vitgenshtejn L. Golubaya i korichnevaya knigi. Predvaritel`ny`e materialy` k «Filosofskim issledovaniyam». Novosibirsk: Sibirskoe universitetskoe izdatel`stvo, 2008.
5. Dejk van T. A. Yazy`k. Poznanie. Kommunikacziya : sbornik работ. Moscow : Progress Publ., 1989.
6. Zhinkin N. I. Rech` kak provodnik informaczii. Moscow: Nauka Publ., 1982.
7. Mechkovskaya N. B. Yazy`k i religiya: lekczii po filologii i istorii religij. Moscow: Grand: Agentstvo «FAIR», 1998.
8. Nikitin M. V. Razvernuty`e tezisы` o konceptakh // Voprosy` kognitivnoj lingvistiki, 2004, № 1 (001).